
УДК 82.0(470.621)

ББК 83.3(2=Ады)

П 18

Паранук К.Н.

*Доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и журналистики
Адыгейского государственного университета, e-mail: kutas01@mail.ru*

**Пространственно-временные координаты модели мира
в современном адыгском романе
(Рецензирована)**

Аннотация:

Рассматривается влияние мифопоэтики на особенности миромоделирования в современном адыгском романе. Соответственно в ней исследуются категории пространства и времени, анализируются особенности их художественной реализации, показывается их трансформация в мифопоэтическом контексте романов мифологизирующих писателей (Х. Бештокова, Н.Куюка, Ю. Чуяко, Д. Кошубаева). Результаты исследования свидетельствуют о многомерности пространственно-временного континуума рассматриваемых романов и многозначности категорий пространства и времени в повествовательном нарративе.

Ключевые слова:

Мифопоэтическое пространство, микромир, макромир, мегамир, спатиализация, циклизм, мифологическое время, пространственно-временной континуум.

Paranuk K.N.

Doctor of Philology, Professor of Literature and Journalism Department, the Adyghe State University, e-mail: kutas01@mail.ru

**Spatial-temporal coordinates of a model of the world
in the Adyghe modern novel**

Abstract:

The aim of the present paper is to define the influence of mythic poetic on features of world modeling in the Adyghe modern novel. The author investigates space and time categories, analyzes features of their artistic realization and shows their transformation in the mythic poetic context of novels of mythologizing writers (Kh.Beshtokov, N.Kuek, Yu.Chuyako, D.Koshubaev). Results of research testify to multidimensionality of the spatial-temporal continuum of novels under study and to a polysemy of space and time categories in a narrative.

Keywords:

Mythic-poetic space, microcosm, macrocosm, the megaworld, spatialization, cyclicity, mythological time, a spatial-temporal continuum.

Верное истолкование содержания произведения исследователи совершенно правомерно связывают с правильным пониманием пространства и времени. Известно, что пространство и время издавна являются одним из «мировых ориентиров», основой концепции национальной картины мира в художественной структуре произведения. Это утверждение в полной мере применимо и к роману, при исследовании пространственно-временных параметров которого, по словам критиков, чаще всего отдают предпочтение функциям художественного времени.

Пространство и время, будучи неразрывно связаны друг с другом, образуют пространственно-временную континуум. Академик В. И. Вернадский выразился по поводу неразрывности этих двух категорий следующим образом: «Время является для нас не только не отделимым от пространства, а как бы другим его выражением. Время заполнено событиями столь же реально, как пространство заполнено материей и энергией. Это две стороны одного явления. Мы изучаем не пространство и время, а пространство-время. Впервые делаем это в науке сознательно» [1: 315]. В его теории биосферы важное место занимает идея пространства - времени для определения путей эволюции ее в ноосферу - сферу разума. Исследуя особенности пространства и времени, опираясь на данные эмпирического опыта, В.И. Вернадский убедительно доказал нерасторжимость человека и окружающей среды, единство человека и космоса.

Функциональная зависимость человека и окружающей среды напрямую связаны с категориями пространства-времени, позволяющими раскрыть нерасторжимость микро- и макромира (в традиционном истолковании пространство делится подобным образом, но в самом общем виде пространство делится на микромир, макромир, мегамир). По Вернадскому микромир это «микроскопическая реальность» на атомарном уровне, макро-

мир – это реальность в области жизни человека, природные явления ноосферы и нашей планеты», мегамир – это «реальность космических просторов», распространяющаяся не только на солнечную систему, но и метagalактики. [1: 276].

Основные идеи толкования пространства сводятся примерно к следующим положениям: «Пространство – это форма бытия материи. Его особенности состоят в том, что оно имеет протяженность, означающую расположенность и сосуществование различных элементов, возможность прибавления к каждому данному элементу следующего: связность (отсутствие разрывов и нарушения близкодействия в распространении материальных воздействий в полях), трехмерность, симметрия и асимметрия» [2: 181].

«Время – форма бытия материи, выражающая длительность ее существования; последовательность смены состояний в изменении и развитии всех материальных систем; одномерность, необратимость, направленность от прошлого к будущему, конкретность периодов существования тел от возникновения до перехода в новые формы, одновременность событий, асимметричность» [2: 181]. Преодолевая пространство-время, человек переходит в вечность. Вечность же и есть циклизм, вечное повторение. Мифическое, циклическое или космическое время совпадает с Вечностью и одновременно противостоит историческому линейному. Концепция Вечности, циклизма проявляется также и в идее возрождения и бессмертия. Е. П. Блаватская отмечала: «Время» есть лишь иллюзия, создаваемая последовательными чередованиями наших состояний сознания на протяжении нашего странствия в Вечности, и оно не существует, но «покоится во сне» там, где нет сознания, в котором может возникнуть Иллюзия» [3: 81].

Художественное пространство является не только значимым для адыгских литератур, но и «определяет их специфи-

ку». Адыгские литературоведы отмечают совершенно правомерно, что «именно категории времени и пространства помогают выявить эпический центр повествования современного адыгского романа, находящийся в точке пересечения литературно-освоенного и фольклорного времени и пространства» [4: 204].

Прежде чем приступить к анализу особенностей пространственно-временного континуума современного адыгского романа, следует отметить, что в его основе лежит мифопоэтическая модель мира. Рассмотрим пространственно-временные координаты адыгской мифопоэтической модели мира в общих чертах.

Категории пространства в Нартиаде - одном из самых архаичных эпосов мира - весьма примечательны. Исследователи адыгской версии Нартиады пришли к выводу, что космос, имевший изначально сферическую форму, впоследствии приобретает вертикальные и горизонтальные очертания. «При горизонтальном членении хаос, где размещаются мифические существа, находится на крайней периферии космоса. При вертикальном членении наблюдается трехчленная структура: верхний мир, где живут боги, средний мир, где живут нарты, и нижний мир – хьэдрыхэ (страна мертвых)» [5: 140]. Как отмечает А. М.Шенкао, нарты представляли мир как участки пространства, населенные карликами, великанами и самими нартами [6: 87].

Земля в миропонимании адыгов сакрализуется как особое пространство, в эпосе «Нарты» она предстает «бескрайней, лишенной сакрального центра, а «мировая гора» как ипостась мирового древа, «ось мира» отнесена на периферию земли адыгов, превращая таким образом не только центр, но и периферию в сакральное пространство эпоса» [3: 16]. В адыгской мифологии центром земли мыслится Харам-гора, являющаяся прообразом Ошхамахо в более поздней литературе.

Что же касается категории време-

ни, то в мифопоэтической традиции адыгов «мифическое время носит линейный и необратимый характер» [5: 146]. Вместе с тем, «наряду с мифическим временем в нартских сказаниях обнаруживаются и признаки эмпирического (исторического) времени. ... Время нартского эпоса – время первотворения и первопредметов». Более поздние циклы обнаруживают признаки исторического восприятия времени, хотя в целом не вполне естественно, что с переходом от мифопоэтической традиции к исторической категория времени подвергается существенной трансформации. В исторической прозе уже четко проявляется переход от мифопоэтической и циклической организации времени к исторической. В нартском эпосе ...пространство и время неразрывно взаимосвязаны в адыгской мифопоэтической традиции и зачастую «пространство передается через время, и время через пространство» [5: 136 - 157].

Необходимо отметить, что писатели в своих романах не ограничиваются следованием мифопоэтической традиции, они сознательно ориентируются на мифологизм и реализуют авторское мифотворчество. Категории пространства и времени в адыгском романе изучены довольно обстоятельно, особенно применительно к категории времени. Вместе с тем, появившиеся в последние два десятилетия романы об историческом прошлом с насыщенным мифопоэтическим контекстом обусловили необходимость внесения корректив в анализ романа именно в этом русле. Это касается, в первую очередь, романов Н. Куека «Черная гора», «Вино мертвых», Ю.Чуяко «Сказание о Железном Волке», Х.Бештокова «Каменный век», Д. Кошубаева «Абраг» и других, в которых четко маркируется неомифологизм, авторское мифотворчество.

Результаты проведенных нами исследований позволяют заключить, что категория времени в этих романах выражена многозначно, можно выделить та-

кие ее модели, как «историческое время», «мифологическое время», «обратимое время», «интегрирующее время», «остановившееся время» [7: 53-57].

Наиболее распространенным и разработанным из них является историческое время, которое, как известно, имеет такие свойства, как объективность, непрерывность, необратимость и линейность. В современном адыгском романе выделяется мифологический модус времени, составляющий определенную оппозицию историческому времени. Мифологическому времени присущи такие черты, как обращенность в эпоху изначального, «первопредметов, перводействий и первотворения» (по Мелетинскому), цикличность, осуществляющаяся посредством архетипического повторения действий и ритуалов,

Время имеет выраженный обратимый характер практически во всех романах рассматриваемых авторов. В «Черной горе» Н. Куека этому способствует не только авторский замысел: «попытался оглянуться назад и почувствовать его в страшное, может быть, самое трагическое для него время» [8: 4], но и метафизические способности главного героя Нешара, умение проникать в прошлое, «возвращать» его. К прошлому времени - периоду средневековья и Кавказской войне XIX в. - возвращается Ю. Чуюко в «Сказании о Железном Волке». Д. Кошубаев во второй части «Абрага» совершает экскурс в прошлое - мифоэпическое время Нартиады. К мифическому прошлому человечества обращается Х. Бештоков в «Каменном веке». Выраженный обратимый характер носит, в общей сложности, время в «Вине мертвых» - романе, состоящем из семнадцати самостоятельных новелл, где представлена вся триада: прошлое - настоящее - будущее.

По концепции Н. Фрая, «история мировой литературы понимается как циркулирование по замкнутому кругу: литература сначала отделяется от мифа, раз-

вивая собственные, исторически обусловленные модусы, но в конечном итоге снова возвращается к мифу (имеется в виду творчество писателей-модернистов)» [9: 562]. Идея циклизма нашла отражение в адыгском романе именно в последнее десятилетие XX века. Причиной тому послужили как стремление авторов углубиться в мир своих истоков и по-иному осмыслить пройденный адыгскими народами путь, так и поиски новых художественных средств. Время само по себе мифологично в романе «Каменный век». Мифологическое время стало серьезным подспорьем для Ю. Чуюко, Н. Куека, Д. Кошубаева, осуществивших синтез настоящего с прошлым, а иногда - и с будущим. Следует при этом уточнить, что в одном и том же произведении зачастую сочетаются одновременно разные модели времени при выраженной доминанте одной из них. Особенно ярко это маркируется в романах Н. Куека «Вино мертвых» и Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке».

В общей сложности можно заключить, что в современном адыгском романе мифологическое время начинает вытеснять объективное историческое время (согласно теории спатиализации известного американского исследователя И. Франка) [10].

Теперь обратимся к категории пространства и особенностям ее реализации в современном адыгском романе.

В современном адыгском романе можно выделить такие достаточно распространенные и в других литературах модели пространства, как «замкнутое пространство» и «разомкнутое пространство». Основные характеристики разомкнутого пространства сводятся к беспредельности, неизмеримости, открытости и т. д. Это чаще всего свободное пространство, открытое, и эта открытость может иметь переносный смысл, обозначая готовность вбирать в себя и разнообразные культурные традиции и т. д.

Замкнутое пространство отличается своей отгороженностью, действие сосредоточено на узком отрезке пространства, и этот локус пространства, отгороженный от всего мира, замкнут на себе. Эта модель связана с таким качеством пространства, как фрагментарность, и привлекает писателей обычно своими моделирующими возможностями. Классической моделью замкнутого пространства является город Макондо в романе Г. Г. Маркеса «Сто лет одиночества». Подобная модель выстраивается в романе Д. Кошубаева «Абраг», где город Абраг представляет собой модель современного адыгского сообщества, изображенного в подчеркнуто ироничной манере. В образах жителей города автор типизирует и обобщает наиболее характерные черты разных социальных слоев общества, жизненные интересы и проблемы национальной интеллигенции и т. д. Модели замкнутого пространства представляют собой и отдельные локусы пространства, на которых проживают племена дореев и род детей Орла в романе Х. Бештокова «Каменный век».

Модель разомкнутого пространства реализована в романе Ю. Чуяко «Сказание о Железном Волке», где весьма широко представлена жизнь и маленького типично адыгейского аула Шиблокохабль, и городская жизнь Майкопа, Санкт-Петербурга, и российская глубинка (Подмосковье, нижегородские леса). Пространственная география романа простирается далеко за пределы России, охватывая страны, в которых ныне живут адыги, вынужденные разбредиться по всему свету после русско-кавказской войны XIX века: Турция, Сирия, Иордания, Египет, Германия, США и т. д. Романы Н. Кукеека «Черная гора» и «Вино мертвых» являются собой сочетание моделей замкнутого и разомкнутого пространства, которые порой дублируют друг друга. К примеру, в «Черной горе» действие, с одной стороны, происходит локально на побережье моря, захваченного «чужаками». описа-

ние локальных событий, осмысливаемых автором философски, выходят за рамки национальной бытийности и приобретают вселенский, космопространственный размах. Заметим, что эта черта является существенной для мифопоэтики Н. Кукеека. Приведем пример. Когда Нешар видит надругательства солдат-захватчиков над семилетней девочкой, все пространство, весь космос подключаются к эмоциональному состоянию потрясенного человеческой жестокостью героя: «*Проснулись жестокие ветра, ... Горы встревожились, дохнули вулканами, ... упало с неба солнце...*» и т. д. [8: 470]. То есть это уже разомкнутое пространство, простирающееся в глубины космоса. Аналогичный пример можно привести из «Вина мертвых», где описывается джегу (танцы), устроенные в маленьком адыгейском ауле. Жизнь и нравы маленького аула в годы Великой Отечественной войны символизируют обобщенно жизнь адыгов того периода, а круг, в котором танцует молодая пара: Мешвез и Гупсэ – своего рода сакральный центр. Но во время вдохновенного танца, исполняемого молодыми, круг, представляющий замкнутое, ограниченное пространство, словно размыкается, и вбирает в себя неограниченные просторы Вселенной, ибо «само Небо (Творец) отметило их танец».

Следует отметить, что модели замкнутого и разомкнутого пространства не составляют оппозиции в современном романе, а в определенной степени даже дублируют друг друга. Интересными представляются и отмечаемые у современных авторов разные способы измерения пространства и времени, связанные с мифомышлением адыгов.. В мифопоэтической традиции, например, длина пути часто определяется временем, затрачиваемым на его преодоление. Или время определяется пространством. В прозе Н. Кукеека «*Мазаг видит на расстоянии дневного пробега лошади*» [8: 7]; или: «*На расстоянии одного крика от них молодежь за-*

теяла танцы»[11: 138]. Как видим, звук и время являются средством измерения пространства.

Структурирование пространства в романах обозначенных авторов проявляется часто как символическое выражение различных фрагментов ландшафта. Пространство, оставаясь неоднородным, носит относительно целостный характер, символизируя пространство адыгского мира.

Художественный образ «своего» пространства занимает важное место в миромоделировании современных адыгских авторов. Вполне очевидно, что этот образ не сводится к реальному, географическому пространству, занимаемому адыгскими народами. Особенно важно подчеркнуть, что, наряду с отражением пространственных реалий, в создаваемом образе национальной картины мира так или иначе «просматривается» модель родной культуры.

Обращение к мифопоэтической традиции, опора на мифомышление особенно явно маркируется в обозначении координат этого пространства: вертикали (верха), горизонтали (низа), сакрального центра, границ, наружного, внутреннего. Известно, что Небо и Земля представляют в мировой мифологии две стороны одного целого, именуемого единством противоположностей. Земля как часть вселенской структуры выполняет функции матери, оплодотворяемой мужским началом макрокосма - Небом-Отцом. Смешанные и неразделенные пока еще в Хаосе Небо и Земля содержат в себе потенциально все формы будущей жизни. Традиционно считается, что в адыгской мифологии отсутствует подобный «сценарий» разворачивания жизни на земле, «есть лишь представление, что всех – солнце, луну, звезды породил Великий Тха, символизирующий мужское начало» [5].

Исследователи отмечают, что в эпохе иногда «небо предстает как глаз человека, солнце уподобляется зрачку на нем»

[6]. Подобное экстраполирование антропоцентрических понятий отмечается и в современном адыгском романе. Нешар из романа «Черная гора» утверждает: *«Мой дед говорил, что у Неба есть лицо. Увидеть его может только приближенный к Великому Богу»* [8: 26]. Небо становится своеобразным зеркалом, отражающим чистоту помыслов многих куековских героев, ощущающих себя в ответственные минуты своей жизни предстоящими перед Богом (Предводитель, Хаджекыз, Ляшин, Нешар, Нарыч), что символизирует чистоту их душевных устремлений, готовность к диалогу с Богом. Особенно заметна эта тенденция в прозе Н. Куека. Нешару в детстве отец часто говорил: *«Привыкай смотреть на небо, парень...»* [8: 26]. Или: *«Его лицо, очищенное светом, чисто, как роса, словно не знало ни обид, ни боли. Наверное, таким всегда должен видеть Бог человеческое лицо»* [5: 92]. На Нарыча, человека с чистыми помыслами, во время сна *«Великий Бог смотрит ... в лицо»* [8: 13]. Ляшин засыпает часто *«с устремленным к небу лицом»* [11: 192]. Мешвез «впервые во время танца почувствовал небо над собой» и ощутил, что Небо тоже отметило его, *«услышал Бог»* [11: 261]. Предводитель перед очередным походом ждет восхода и думает, что *«если его всадники совершат подвиги во имя Создателя, свет небес запомнит их лица»* [11: 108].

Иногда имеет место и обратное уподобление человеческого лица небу: *«Ненастным стало лицо Кунтабеша»*[11: 10].

Подобные мотивы обнаруживаем и в романе Ю. Чуюко «Сказание о Железном Волке». Главный герой романа Сэт Мазлоков, глядя на дедушку Хаджекыза во время молитвы с обращенным к Богу лицом, первый раз в жизни видит, как он плачет, и с удивлением отмечает: *«Какое все-таки у дедушки было лицо!..Аллаха, видно совсем-совсем не стесняется... или так ему доверяет?»* [12: 181].

С небом связаны и образы луны,

звезд, солнца, присутствующие в мифопоэтическом контексте современного романа как выражение вертикали. Мифообраз солнца в романе Х. Бештокова отражает анимистические представления древнего мышления: оно *«плачет»*, глядя на жестокости и зверства, чинимые эминями, *«слизывает»* кровь погибшей женщины с земли, *«падает в обморок»*, а *«напуганная заря» «стынет, холодеет»*. Месяц беседует с главным героем романа Ану во сне и приглашает к себе в гости. Туча - *«лохматая»*, *«туманнообразная и длинная»*, *«жадноброухая»*, *«когтями вцепившись»*, *«оттаскивает одну звезду за другой»* и *«глогает их поочередно»* [13: 77].

Мифологизированные образы луны, звезд, солнца являются частыми свидетелями человеческих свершений или рефлексий героев о смысле жизни в романе Ю. Чуяко. Примечательно, что весьма значимый и глубокий диалог Сэта и Петра Оленина о нравственных законах адыгэ хабзэ идет в незримом присутствии звезд, как знаков духовности, символов нравственных ориентиров, неких знаковых выражений вертикали: *«Какие звезды над нами, Сэт!»*. В присутствующих в этом же романе аллюзиях к нартским сказаниям солнце останавливается в зените, чтобы дать Сатаней успеть дошить сай (национальный женский костюм) до заката. Солнце благословляет войско Предводителя перед очередным сражением («Вино мертвых»).

Мифологема горы в адыгских литературах ассоциируется с «духовно окрашенным пространством», вертикалью, духовным восхождением человека. Это сквозная мифологема, сопряженная с духовным ориентиром, характерна для творчества большинства адыгских авторов. Перечень одних названий: «Страшен путь на Ошхомахо М. Эльберда, «Сто первый перевал» И. Машбаша, «Вершины остаются непокоренными» Т. Адыгова, «Черная гора» Н. Куека говорят сами за себя. Мифологема горы занимает до-

вольно прочное место в мифопоэтической модели мира, выстраиваемой Н. Куеком, Ю. Чуяко. Она присутствует в «Черной горе», «Вине мертвых», «Сказании о Железном Волке» как сакральное пространство, испытывающее героев на стойкость, выносливость, мужество, умение налаживать гармоничные отношения с окружающим миром. К примеру, *«на самой высокой точке адыгской земли»* поджидает двухсотлетний старец Мазаг приближающегося Нешара («Черная гора»). К дереву, растущему на высокой горе над морем, откуда видны уплывающие за море корабли, привязывает себя мужчина, решивший остаться на родной земле во время исхода адыгов в Турцию в XIX в. Философскому осмыслению мифологема горы как символу духовного «восхождения», совершенствования себя, посвящены философские сентенции поэта Ляшина и Фэнэса («Вино мертвых»).

Категории вертикали и горизонтали (по Г. Гачеву) имеют важное значение для определения «метакода бытия», единой найденной метакод национальной онтологии пронизывает и объясняет все сферы жизнедеятельности этноса: его космос, Логос и Психею [14: 16-17].

Мы согласны с мнением исследователей Нартиады, утверждающих, что именно «принцип вертикали является определяющим в объективном и духовном пространстве горцев Северного Кавказа» [15;44].

Горизонталь как одна из основных координат пространства, в современном адыгском романе сопряжена, в первую очередь, с мифологемой земли, ее природой, предстающей в общих чертах как девственная, первозданная среда, составляющая оппозицию социальной, искусственной среде. Категория пространства и центральная мифологема земли обретают особую значимость в адыгском миромоделировании, отраженном в современном романе. Это обстоятельство связано с особенностями исторической судь-

бы адыгов как этноса, вынужденного на протяжении многих веков защищать свои земли, являвшиеся точкой пересечения интересов для чужеземных захватчиков. Мифологема земли ассоциируется с понятием: «райская земля», унаследованная от предков.

Существенное влияние на формирование художественного образа пространства оказала специфика и внутренняя направленность культуры адыгов, взраставшей маргинально в отношении европейской культуры. Ощущение самобытности, «инаковости» этой культуры наложило явный отпечаток как на образ простран-

ства, так и на всю национальную картину мира. Пространство в современном романе может иметь такие качественные характеристики, как инаковость, нормативность, хаотичность, первозданность, амбивалентность, фрагментарность.

Резюмируя вышеизложенное, можно заключить, что категории пространства и времени в современном адыгском романе об историческом прошлом заметно трансформировались под влиянием мифопоэтики и способствовали формированию сложного, многомерного пространственно-временного континуума.

Примечания:

1. Вернадский В.И. Начало и вечность жизни. М., 1989.
2. Косвен, М.О. Очерки истории первобытной культуры. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 215 с.
3. Блаватская Е.П. Тайная доктрина. Т. 1. М., 1991.
4. Тхагазитов Ю.М. Эволюция художественного сознания адыгов: опыт теоретической истории: эпос, литература, роман. Нальчик, 1996. 214 с.
5. Ципинов А.А. Мифопоэтическая традиция адыгов. Нальчик: Эль-Фа, 2004. 179 с.
6. Шенкао А.А., Ципинов А.А. Представления о пространстве и времени в адыгском эпосе «Нарты» // Проблемы адыгейской литературы и фольклора. Майкоп, 1979. Вып. 2. С. 86-98.
7. Паранук К.Н. Художественное осмысление категории времени в современном адыгейском романе (Ю. Чуяко, Н. Куек) // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филология и искусствоведение. 2008. Вып. 1 (29). С. 53-57.
8. Куек Н.Ю. Черная гора. Майкоп, 1997. 114 с.
9. Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А.Н. Николюкина; Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН. М.: Интелвак, 2003. 1600 с.
10. Frank. Spatial Form in Modern Literature // The Widening Gyre New Brunswick. N. Y., 1963. P. 3-62.
11. Куек Н.Ю. Вино мертвых. Майкоп, 2002. 296 с.
12. Чуяко Ю.Г. Сказание о Железном Волке. Майкоп, 1993. 384 с.
13. Бештоков Х.К. Каменный век: роман-миф // Литературная Кабардино-Балкария. 2005. № 5. С. 58-116.
14. Гачев Г.Д. Национальные образы мира. Косм – Психо – Логос. М.: Прогресс, 1995. 480 с.
15. Кучукова З.А. Нартский эпос: вертикаль как метакод бытия // Культурная жизнь Юга России. 2005. № 4 (14). С. 44-48.

References:

1. Vernadsky V.I. The beginning and eternity of life. M., 1989.
2. Kosven M.O. History essays on primitive culture. M.: Publishing house of the USSR AN, 1953. 215 pp.
3. Blavatskaya E.P. The secret doctrine. V. 1. M., 1991.
4. Tkhagazitov Yu.M. The evolution of the Adyghes' artistic consciousness: the experience of theoretical history: epos, literature, novel. Nalchik, 1996. 214 pp.
5. Tsipinov A.A. Mythic and epic traditions of the Adyghes. Nalchik: El-fa, 2004. 179 pp.
6. Shenkao A.A., Tsipinov A.A. The conception of space and time in the Adyghe epos «Narty» // Problems of the Adyghe literature and folklore. Maikop, 1979. Issue 2. P. 86-98.
7. Paranuk K.N. Artistic comprehension of the time category in the modern Adyghe novel (Yu. Chuyako, N. Kuyok) // Bulletin of the Adyghe State University. Series «Philology and the Arts». 2008. Issue 1 (29). P. 53-57.
8. Kuyok N.Yu. A Black Mountain. Maikop, 1997. 114 pp.
9. The literary encyclopedia of terms and concepts / ed. by A.N. Nikoljukina; the Institute of scientific information on social sciences of the RAS. M.: Intelvak, 2003. 1600 pp.
10. Frank. Spatial Form in Modern Literature // The Widening Gyre New Brunswick. N. Y., 1963. P. 3-62.
11. Kuyok N.Yu. The wine of the dead. Maikop, 2002. 296 pp.
12. Chuyako Yu.G. The legend of the Iron Wolf. Maikop, 1993. 384 pp.
13. Beshtokov Kh.K. The Stone Age: a novel-myth // Literary Kabardino-Balkaria. 2005. № 5. P. 58-116.
14. Gachev G.D. National images of the world. Kosm – Psycho – Logos. M.: Progress, 1995. 480 pp.
15. Kuchukova Z.A. The Narts' epos: a vertical line as a metacode of being // The cultural life of the South of Russia. 2005. № 4 (14). P. 44-48.